



# **ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ**

**ST.PETERSBURG JOURNAL  
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 9  
volume 9**

**Центр  
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург  
1997**

## «Мин ши» о «Южных Минах» (к характеристике цинской официальной версии династийного кризиса середины XVII в.)

Б. Г. Доронин  
Институт востоковедения РАН  
(Санкт-Петербург)

6 июня 1644 г., через десять дней после сражения при Шаньхайгуане, маньчжурские войска вступили в столицу империи Мин г. Пекин, а на следующий день (7 июня) двоюродный брат погибшего минского императора Чун-чжэня Фу-ван Чжу Ю-сун (1607—1646) был объявлен в Нанкине регентом (цзян го). 19 июня 1644 г. он вступил на престол и стал править под девизом «Хун-гуан». Процарствовал Чжу Ю-сун всего год, 8 июля 1645 г. цинские войска под командованием сына Нурхацы (1559—1626) Юй-вана Додо (1614—1649) овладели Нанкином, пленили Чжу Ю-суна, отправили его в Пекин, где он вскоре был казнен. Однако вслед за падением Нанкина отпрыски минского императорского дома создали в Южном Китае еще несколько режимов, последний из которых — его возглавил Чжу Ю-лан (1623—1662, девиз правления «Юн-ли») — пал в 1661 г. Все эти драматические события, сопровождавшие смену династий, обычно относят к истории «Южных Минов».

Внешне термин «Южные Мины» очень напоминает названия династий, имевших в своем составе географический («северный», «южный») или временной («ранний», «поздний») индикаторы. Подобных династий в истории императорского Китая было немало. Как правило, они возникали в период безвременья, когда страна утрачивала единство и в различных ее частях появлялись существовавшие параллельно режимы. Больше всего данный термин похож на «Южную Сун» (1127—1279), очень похожа была и ситуация, для обозначения которой он использовался: как и в XII в., после событий весны-лета 1644 г. наследники правившего до этого дома были оттеснены в южные районы страны, а север оказался под контролем маньчжуров, которые, кстати сказать, считали себя прямыми потомками чжурчжэньской династии Цзинь (1115—1234). Известно также, что южносунская модель развития событий считалась некоторыми китайскими политическими деятелями середины XVII в. приемлемым выходом из создавшегося тогда положения. Но совпадение это чисто внешнее: после вступления маньчжуров в Пекин сколько-нибудь устойчивого полити-

ческого центра на юге создать не удалось, на протяжении 20 лет там последовательно возникает серия сменяющих друг друга режимов. И хотя по крайней мере некоторые из них были легитимны и пытались выступить как прямые наследники общекитайской династии Мин, уподоблять их Южной Сун вряд ли возможно.

Сам термин «Южные Мины» довольно позднего происхождения: ни цинской официальной историографией, ни авторами XVII—XVIII вв. он не использовался; нет его и в первых фундаментальных трудах по истории империи Цин, появившихся в XX в.<sup>1</sup> По данным имеющихся в нашем распоряжении библиографий, впервые термин «Южные Мины» китайские историки стали использовать лишь в 40-х гг. XX в.<sup>2</sup> А в широкий научный оборот термин «Южные Мины» был введен историками КНР, когда в 50-е годы, помимо большого числа статей, посвященных данной тематике, появилось и специальное исследование Се Го-чжэня<sup>3</sup>. Так китайские историки стали обозначать двадцатилетие, в течение которого существовали режимы, созданные членами минского императорского дома. При этом авторы не ограничивались освещением деятельности минских князей и относили к «Южным Минам» все те весьма пестрые по своей природе и целям политические силы, которые в то время присутствовали в Южном Китае.

То был исключительно важный период в истории Китая XVII в., он заполнен сложными, противоречивыми событиями. Все, что происходило в это двадцатилетие на просторах Центрального и Южного Китая, серьезно осложняло процесс консолидации цинского режима, наложило глубочайший отпечаток на проводившуюся им в Китае политику. По сути дела, именно в это двадцатилетие, а не в 1644 г., как принято обычно считать, была окончательно решена судьба династии Мин, а династия Цин сумела сделать серьезный шаг вперед на пути утверждения своей власти в Китае. «Южноминское» двадцатилетие — это еще и время, когда китайское общество начинает превращаться из «минского» в «цинское». Процесс этот в императорском Китае имел огромное значение и китайской элитой переживался крайне болезненно: помимо карьерных соображений ее беспокоила еще необходимость сохранения имиджа чиновника, несмотря ни на что оставшегося верным династии, которой он служил. События эти вызвали небывалый резонанс в обществе, тем более сильный, что они затрагивали сложившиеся к тому времени в регионе экономические и культурные центры империи. Многие очевидцы и участники исторической драмы середины XVII в. посвятили происходившему в Южном Китае свои тру-

<sup>1</sup> *Сяо И-шань*. Цин дай тун ши (Сводная история династии Цин). Т. 1. Шанхай, 1927; *Инаба Ивакити*. Цин чао цюань ши (Полная история династии Цин). Т. 1. Шанхай, 1915. (Пер. с японского.)

<sup>2</sup> Иногда вместо него использовался термин «Поздняя Мин» («Хоу Мин» или «Вань Мин»).

<sup>3</sup> *Се Го-чжэнь*. Нань Мин шилюэ (Краткая история Южных Мин). Шанхай, 1957.

ды. Естественно, что разработка собственной версии этих событий и утверждение ее в обществе стали важной задачей цинских властей.

Решение этой задачи представляло для цинских историков немалые трудности, поскольку они не вписывались в свойственную официальной историографии династийную схему изложения исторического процесса: считалось, что династия Цин с 1644 г. выступает как обще-китайская, тогда как все, что происходило в Южном Китае в эти 20 лет, было органически связано с предыдущей династией Мин. Не случайно поэтому разработка официальной версии истории «Южных Минов» растянулась на долгий срок, и свой окончательный вид она приобрела лишь во второй половине XVIII в. после корректив, внесенных императором Цянь-луном (годы правления 1736—1796) при подготовке «Высочайше утвержденного собрания „Всеобщих зеркал“ в порядке очередности династий» («Юйпи лидай "Тун цзянь" цзи лань») <sup>1</sup>.

Какого-либо труда, посвященного «Южным Минам», цинские придворные историки не создали, о событиях этого периода они рассказывают в сводных трудах, где повествуется об истории династии Мин или утверждении на китайском престоле династии Цин. Своими истоками официальная версия истории «Южных Минов» восходит к двум сочинениям, работа над каноническими текстами которых была завершена к 40-м годам XVIII в., — «Мин ши» и «правдивым записям» (*ши лу*), посвященным правлению первого цинского императора Шунь-чжи (годы правления 1644—1661). Именно они стали эталоном, на который обязаны были ориентироваться авторы всех других официальных и неофициальных сочинений, обращавшиеся к данной теме.

Хотя события «южноминского» двадцатилетия развертывались после провозглашения династии Цин, составители «ши лу» стараются о них не говорить, все основные материалы о «Южных Минах» сосредоточены в «Мин ши», что подчеркивает их принадлежность к минской, а не цинской истории. Таким образом, цинские историки нарушили принцип, заложенный в основу сочинений подобного жанра, который предполагал весьма жесткое ограничение повествования официальными рамками династийного цикла.

Составители «Мин ши» трактуют «южноминское» двадцатилетие как цепь сменявших друг друга режимов, созданных членами минского императорского дома. Однако сколько-нибудь подробно в этом труде рассказывается далеко не о всех подобных режимах, за рамками повествования остались и многие другие события этого периода, происходившие в Южном Китае. Из всех появившихся тогда режимов наибольшее внимание составители «Мин ши» уделили тому, что был создан летом 1644 г. в Нанкине Фу-ваном Чжу Ю-суном.

Нанкинский режим возник на очень важном рубеже китайской истории, когда решалась судьба не только престола, но и страны. Много указывает на то, что коронация Фу-вана была точно рассчитанным

<sup>1</sup> «Мин ши» ли ань (Материалы по истории создания «Мин ши») / Сост. Лю Чэн-гань. Б. м., 1915. Цз. 1. С. 106—136.

шагом, а вовсе не попыткой части южнокитайской элиты реализовать свои амбициозные устремления, как это нередко изображается в исторической литературе. К этому времени провозглашенный наследником престола еще при жизни императора Чун-чжэня его сын Чжу Цзы-лан (1629—1645) оказался в руках маньчжуров и из всех уцелевших членов правящего дома, видимо, именно Фу-ван обладал наибольшими правами на императорскую власть. По свидетельству источников, коронация Фу-вана была осуществлена в строгом соответствии с регламентом. Для легитимации режима принципиально важным было и то, что резиденция нового правителя находилась в Нанкине — второй столице империи Мин. Император Хун-гуан (такой девиз правления избрал Чжу Ю-сун) явно претендовал на нечто большее, нежели статус региональной власти. Нанкин вполне мог стать центром консолидации всех патриотических сил, многие в Китае именно с Чжу Ю-сун связывали надежды на сохранение национальной династии. И хотя нанкинский режим просуществовал всего год, а его основатель вместе со своим ближайшим окружением нередко оценивается негативно, его возникновение, несомненно, представляло серьезную угрозу претензиям маньчжуров на китайский престол. Поэтому создание собственной версии истории нанкинского режима было необычайно важно для цинских властей: она должна была не только определить его место в цепи драматических событий того времени, но и дать ответ на многие острые вопросы, касающиеся смены династий и всего «южно-минского» двадцатилетия. Освещение составителями «Мин ши» столь значимого для них начального этапа борьбы за власть неизбежно должно было предопределить и многие особенности официальной трактовки всех последующих событий периода «Южных Минов». Это — ключ к официальной версии истории данного периода. Обратимся к анализу содержащихся в «Мин ши» материалов, посвященных нанкинскому режиму.

Как известно, основная информация о политической истории страны содержится в двух центральных разделах династийной истории — «Анналы» («Бэнь цзи») и «Биографии» («Ле чжуань»). Однако в «Анналах» «Мин ши» никаких сведений о нанкинском режиме нет, изложение в нем заканчивается гибелью минского императора Чун-чжэня весной 1644 г. Поскольку в данном разделе в хронологическом порядке излагались основные события периода правления каждого из императоров династии, следовательно, Чжу Ю-сун цинскими историками к их числу отнесен не был, и все, что связано с его правлением, вынесено в «Мин ши» за официальные рамки существования династии Мин.

Все материалы по истории нанкинского режима сосредоточены в разделе «Биографии», где содержатся жизнеописания самого Чжу Ю-суна, а также около двух десятков его сподвижников. Объем этих материалов достаточно велик, они составляют значительную часть того, что рассказывается в «Мин ши» о последних десятилетиях существования династии Мин.

Биография Чжу Ю-суна включена в особую рубрику «Князья» («Чжу ван»), открывающую раздел «Биографии»; она содержит жизнеописания членов правящего дома, которые получили данный титул. В отличие от всех других частей этого раздела династийной истории в основу организации материала здесь положен генеалогический принцип, в соответствии с которым все князья сгруппированы по своей принадлежности к семье одного из минских императоров и княжескому роду. Поэтому о Чжу Ю-суне рассказывается в той части рубрики, где помещены биографии князей — представителей большой семьи его деда императора Вань-ли (годы правления 1573—1620), его жизнеописание объединено с жизнеописанием отца — обладателя титула Фу-ван<sup>1</sup>.

Биография Чжу Ю-суна невелика, всего 20 строк, причем рассказывается в ней лишь о последних годах его жизни: в повествовании он впервые появляется в 1643 г., когда после убийства его отца повстанцами Чжу Ю-сун унаследовал титул Фу-вана (родился он в 1607 г.).

Общий тон повествования резко негативный, авторы биографии предельно четко и последовательно, не стесняясь в выражениях, демонстрируют свое отрицательное отношение к Чжу Ю-суну. Их не смутила ни принадлежность его к императорскому дому, отмщение за поругание которого повстанцами было объявлено цинскими властями одной из главных своих задач, ни то, что Чжу Ю-сун — представитель одного из самых богатых и влиятельных родов удельных князей, жестоко пострадавших от повстанцев. По свидетельству составителей «Мин ши», Чжу Ю-сун от природы был глуп, погряз в пьянстве и разврате и, следовательно, по своим моральным качествам никак не годился на роль Сына Неба. Определяя его статус, авторы биографии сообщают, что он «назвался лже-Хун-гуаном», т. е. присвоил девиз правления, а это в императорском Китае могло означать лишь узурпацию власти. Согласно «Мин ши», Чжу Ю-сун стал правителем лишь благодаря мощной поддержке двух сановников — Ма Ши-ина (1591—1646) и Жуань Да-чэна (1587—1646), уже давно запятнавших себя сотрудничеством с кликой евнухов и ее главой всемогущим временщиком Вэй Чжун-сянем (1568—1627). Сделали они это вопреки мнению многих заслуженных чиновников, опираясь на помощь некоторых генералов. Между тем многие современники воспринимали Чжу Ю-суна как законного минского императора, а в современной историографии его нередко считают 18-м представителем этой династии на китайском престоле<sup>2</sup>. Как уже сообщалось выше, власть его была вполне легитимна, он имел все права на престол. Есть сведения, что провозглашение Чжу Ю-суна императором встретило достаточно широкую поддержку членов правящего дома, бюрократии и генералов. В Нанкине

<sup>1</sup> Мин ши (История [династии] Мин). Шанхай, 1958. Т. 23. Цз. 120. С. 29552. Сер. «Суни бо на бэнь эршисы ши». Из семьи Вань-ли вышли и основатели некоторых других «южноминских» режимов.

<sup>2</sup> Бо Ян. Чжунго ди ван хуанхоу циньван гунчжу шиси лу (Родословные списки китайских императоров, императриц, великих князей и принцесс). Пекин, 1986. Т. 1. С. 245.

функционировал императорский двор, был сформирован государственный аппарат. Но ничего этого в биографии нет.

Повествование не оставляет сомнений, что дела в Нанкине шли из рук вон плохо. Став безвольной игрушкой в руках своего окружения, где тон задавали Ма Ши-ин и Жуань Да-чэн, Чжу Ю-сун фактически не занимался делами правления и они находились в катастрофическом состоянии. Свидетельств тому эта небольшая по объему биография содержит предостаточно: бесчинства временщиков, коррупция, торговля должностями. Судьба людей честных и принципиальных складывалась печально: не оцененные по достоинству правителем и лишённые его поддержки, они удаляются от двора и обрекаются на унижения и гибель.

Негативный смысл имеет и центральный эпизод биографии Чжу Ю-суна — появление в Нанкине самозванца, объявившего себя законным наследником погибшего минского императора. Китайскому читателю было понятно: когда на престоле находится подлинный Сын Неба, подобное произойти не может. Странными и труднообъяснимыми выглядят все действия нанкинских властей в связи с этим событием (попытки установить справедливость претензий самозванца и пр.). Согласно «Мин ши», этот эпизод стал рубежом, с которого началось стремительное крушение режима. Без какой-либо аргументации в защиту самозванца и с требованием устранить от власти Ма Ши-ина выступил командующий одной из наиболее крупных и боеспособных армий генерал Цзо Лян-юй (1598—1645) и двинулся из Учана на Нанкин. Переброска сил для защиты столицы разрушила и без того не очень эффективную систему обороны, и появившиеся цинские войска без труда овладели городом. Бежавший из Нанкина Чжу Ю-сун был схвачен и отправлен в Пекин. Позже цины казнили его, но об этом «Мин ши» не сообщает. Несмотря на лаконичность биографии, ее авторы посчитали необходимым сообщить и о том, как после падения Нанкина сложилась судьба Ма Ши-ина и Жуань Да-чэна — оба пытались спастись и погибли. О самозванце авторы больше не вспоминают. Эпизод с его появлением носит откровенно функциональный характер, что заставляет усомниться в его достоверности.

Таким образом, главное, что узнает читатель из биографии Чжу Ю-суна — порочность этого правителя, а значит, и возглавляемого им режима. Авторы этой биографии видели своей главной задачей осуждение Чжу Ю-суна, и все отобранные ими материалы подчинены ее решению. Какая-либо позитивная информация о деятельности нанкинского режима здесь практически отсутствует.

Несравненно более богатый по объему материал о нанкинском режиме содержится в биографиях чиновников — сподвижников Чжу Ю-суна. Как уже говорилось, таких биографий в «Мин ши» около 20. Хотя служебная карьера всех этих людей началась задолго до воцарения в Нанкине Чжу Ю-суна, центральное место в их биографиях отведено событиям 1644—1645 гг.

Рассказывая о Чжу Ю-суне, составители «Мин ши» четко обозначили несколько ключевых, по их мнению, фигур, деятельность кото-

рых имела жизненно важное значение для режима. Это уже упоминавшиеся Ма Ши-ин, Жуань Да-чэн и Ши Кэ-фа, которые как бы олицетворяют собой два начала, две тенденции в развитии политической ситуации в Нанкине.

Биография Ма Ши-ина вместе с девятью другими составляет корпус 308 цз., который отнесен составителями «Мин ши» к рубрике «Коварные чиновники» («Цзянь чэнь») <sup>1</sup>. В обширном предисловии, предпосланном этой рубрике, авторы поясняют, что «коварные чиновники», как и «низкие люди» (*сяо жэнь*), противостоят «совершенному человеку» (*цзюнь цзы*) подобно тому, как противостоят темное (*инь*) и светлое (*ян*) начала <sup>2</sup>. Именно «низкие люди», сообщается далее в предисловии, которые при династии Мин по большей части вышли из евнухов или были связаны с ними, постоянно стремясь ко злу, подрывали дела правления и навлекали на страну всяческие беды. Матерые предатели и великое зло пошли от евнухов, — констатируют авторы предисловия <sup>3</sup>. Следовательно, речь в данной рубрике идет не о рядовых недобросовестных чиновниках, а о носителях пороков, подрывающих устои государства. Их в 308 цз. 10 человек. Некоторые из них — деятели начала Мин, а все остальные — служили этой династии в последние десятилетия ее существования. Трудно предположить, что за почти 300-летнее существование династии Мин «коварные чиновники» давали о себе знать лишь дважды, причина их появления именно в эти периоды явно политическая: цинским историкам было необходимо оттенить подобным образом какие-то негативные, с точки зрения властей, явления.

Как известно, в соответствии с нормами политической культуры императорского Китая выход на политическую арену евнухов и связанных с ними сил — грозное свидетельство скорой и неминуемой гибели династии. Поэтому далеко не случайно большая часть героев 308 цз. — это деятели конца Мин. Их присутствие в данный период убеждало китайского читателя в закономерности крушения династии, что имело первостепенное значение для легитимации власти сменившей ее династии Цин. Да и сама рубрика «Коварные чиновники» в практику составления династийных историй впервые была введена цинскими историками <sup>4</sup>. Какими соображениями руководствовались

<sup>1</sup> Мин ши. Т. 3. Цз. 308. С. 31546–31551.

<sup>2</sup> Понятия «сяо жэнь» и «цзюнь цзы» впервые в древнекитайской философии появились в учении Конфуция. Как указывает Л. С. Переломов, «эти два взаимосвязанных понятия на долгие столетия определили не только параметры развития политической культуры, но во многом и судьбы духовной культуры китайской нации» (Переломов Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., 1993. С. 188). Что же касается двух других понятий — «инь» и «ян», то они относятся к числу фундаментальных представлений древних китайцев о миропорядке, где все определяется взаимоотношением «темного» и «светлого» начал и «пяти стихий» (*у син*).

<sup>3</sup> Мин ши. Т. 3. Цз. 308. С. 31529.

<sup>4</sup> Цинские историки дополнили традиционный набор рубрик раздела «Биографии» династийной истории двумя новыми: «Коварные чиновники» (цз. 308) и «Бродячие разбойники» («Лю цзэй», цз. 309), в которой рассказывается о предводи-

они, рассказывая о «коварных чиновниках» начала Мин, нам неизвестно, это требует специального изучения.

Таким образом, общая оценка составителями «Мин ши» деятельности Ма Ши-ина становится очевидной читателю еще до того, как он обратится к тексту биографии, — это фигура зловещая, олицетворение темного начала «инь», он отнесен к числу 10 самых одиозных фигур династии Мин.

По организации материала биография Ма Ши-ина необычна: в ней фактически рассказывается не только о нем, но и о Жуань Да-чэне, чья биография значится дополнительной и должна была бы даваться отдельно. Объединение этих двух отрицательных персонажей в рамках одного повествования, очевидно, преследовало цель максимально усилить их негативную характеристику, сделать ее более выпуклой и рельефной. Биография довольно четко распадается на две части, рубежом между которыми является 1644 г.

Первая из них, где рассказывается почти о всей служебной карьере Ма Ши-ина и Жуань Да-чэна, сравнительно невелика, в ней отчетливо прослеживается несколько сюжетных линий, особо акцентированных авторами текста. Прежде всего, это демонстрация негативных качеств Ма Ши-ина, в биографии собрано немало свидетельств различных пороков этого человека. Дополняют его характеристику сведения о деятельности Жуань Да-чэна, с которым, по свидетельству авторов текста, Ма Ши-ин был тесно связан всю жизнь. Так, авторы подробно рассказывают о попытках Жуань Да-чэна, прокладывая себе путь вверх, опереться на поддержку клики евнухов. Позже, когда Вэй Чжун-сянь и его сторонники утратили свое влияние при дворе, Жуань Да-чэн был уволен со службы и до 1644 г. находился в опале. И хотя сам Ма Ши-ин непосредственно с кликой евнухов связан не был, в историю он вошел как ее ставленник.

Еще одна тема, активно разрабатываемая авторами биографии, — борьба клик при дворе последних минских императоров, активными участниками которой изображены и Ма Ши-ин, и Жуань Да-чэн. Четко указаны полюса противостояния: с одной стороны, это клика евнухов, а с другой — участники группировки Дунлинь дан и близкой к ней Фушэ<sup>1</sup>. Все остальные политические силы, представленные при

---

телях крестьянской войны 1627 — 1646 гг. Т. е. обе рубрики были ориентированы прежде всего на освещение событий конца Мин.

<sup>1</sup> Противостоянию клики евнухов и группировки Дунлинь дан составители «Мин ши» уделили значительное внимание, эта тема присутствует и в некоторых других биографиях минских государственных деятелей. При этом оценивается она в династийной истории в общем положительно. Подобное отношение официальной историографии к группировке, которая, как принято считать, объединяла наиболее прогрессивно настроенных членов минского общества, многие из которых в первые десятилетия правления династии Цин подверглись гонениям и репрессиям, может показаться неожиданным. Однако материалы «Мин ши» свидетельствуют, что Дунлинь дан интересовала цинских историков прежде всего как жертва клики евнухов, ее главный оппонент, т. е. как участник борьбы группировок при минском дворе, важный компонент поразившего династию политического кризиса. А поскольку одно из главных свидетельств кризиса — стремление ев-

дворе последних минских императоров, в расчет составителями «Мин ши» не принимаются.

Итак, сообщив в первой части биографии минимум сведений о Ма Ши-ине и его сподвижнике Жуань Да-чэне, составители тем не менее сумели нарисовать весьма непривлекательный для китайского читателя образ чиновника. А раскрывается все темное и злое, что было свойственно этому персонажу, во второй части его биографии, где повествуется о деятельности Ма Ши-ина в Нанкине. Главный герой здесь именно он, а Жуань Да-чэн отступает на второй план, в тень. По размеру эта часть значительно больше первой, хотя речь здесь идет о коротком — всего один год — периоде, вместившем в себя стремительный взлет карьеры Ма Ши-ина и столь же стремительный ее крах и гибель героя.

Как и в биографии Чжу Ю-суна, Ма Ши-ин трактуется здесь как ключевая фигура нанкинского режима, а потому все происходившее там несет на себе отпечаток его личности. Такого положения он добился, активно поддержав притязания Фу-вана на престол, в том числе и якобы имевшейся в его распоряжении военной силой<sup>1</sup>, и превратив порочного и безвольного правителя в свою марионетку. Подчеркивая данное обстоятельство, авторы биографии приводят характерный эпизод: когда Чжу Ю-сун попытался несколько ограничить всевластие Ма Ши-ина, тот не постеснялся выступить с открытой угрозой в адрес государя<sup>2</sup>.

В центре повествования о деятельности Ма Ши-ина в Нанкине — борьба клик и бесконечные интриги, инициаторами и активными участниками которых были Ма Ши-ин и Жуань Да-чэн. Авторы биографии весьма настойчиво пытаются отождествить поведение этих людей с бесчинствами, чинимыми при минском дворе кликой евнухов в 20-е гг. XVII в. При этом Ма Ши-ину отводится та же роль, которую играл тогда всемогущий временщик Вэй Чжун-сянь. Сведений о каких-либо крупных и значимых для режима политических шагах, предпринятых или инициированных Ма Ши-ином (а он, напомним, трактуется как ключевая фигура при дворе Чжу Ю-суна), биография не содержит. Зато авторы биографии посчитали необходимым весьма обстоятельно рассказать о гибели режима, явно связывая ее с деятельностью Ма Ши-ина.

---

нухов воздействовать на дела правления, противостоявшая им группировка Дунлинь дан изображается составителями «Мин ши» с определенным сочувствием. Подобное отношение цинской официальной историографии к группировке Дунлинь дан, видимо, сыграло немалую роль в том, что из многочисленных в то время объединений интеллигенции и чиновничества Дунлинь дан — самая известная. Обширная информация о подобных объединениях содержится в книге Се Го-чжэня «Мин Цин чжи цзи дан шэ юньдун као» («Исследование деятельности группировок и обществ рубежа династий Мин и Цин»). Пекин, 1982.

<sup>1</sup> Данное обстоятельство внушает серьезные сомнения, поскольку сведений о каких-либо вооруженных силах, лично контролировавшихся Ма Ши-ином, нет, а вся его служебная карьера не была связана с военной деятельностью.

<sup>2</sup> Мин ши. Т. 3. Цз. 308. С. 31548.

Как следует из биографии, Ма Ши-ин имел самое непосредственное отношение к эпизоду с самозванцем<sup>1</sup>, а когда генерал Цзо Лян-юй двинул войска на Нанкин, требуя, как сообщают авторы, освободить этого человека, а также очистить окружение государя, именно Ма Ши-ин стал инициатором перемещения имевшихся у нанкинского режима войск, разрушив тем самым оборону и открыв войскам маньчжурского князя Додо дорогу на Нанкин. На предупреждение об опасности такого шага Ма Ши-ин, по свидетельству авторов биографии, ответил: «Если придут северные войска (т. е. маньчжурские. — Б. Д.), сможем договориться, если же придет мятежник Цзо (Лян-юй), то, пожалуй, погибнут и государь, и все чиновники»<sup>2</sup>.

Весьма важным для характеристики этого государственного деятеля и режима, которому он служил, является эпилог биографии, где рассказывается о последних днях Ма Ши-ина. Он не стал заботиться о спасении государя и бежал из Нанкина с собственной матерью, которую выдавал за вдовствующую императрицу. Неоднократные попытки Ма Ши-ина получить приют у какой-либо из политических сил, действовавших в то время в Южном Китае, успеха не имели: никто не захотел иметь с ним дело, и в начале 1646 г. он погиб. Приблизительно так же сложилась и судьба Жуань Да-чэна. Всеми отвергнутые, они бесславно сложили свои головы, погубив государя, которому служили.

О Ши Кэ-фа — другом крупнейшем деятеле нанкинского режима, привлекавшем внимание составителей «Мин ши», — рассказывается в 274 цз.<sup>3</sup>, где даются также биографии еще двух видных сановников, служивших Чжу Ю-суну, — Гао Хун-ту (ум. в 1645) и Цзян Юэ-гуана (ум. в 1649). Однако вместе здесь свела этих людей не их совместная служба в Нанкине, а их необыкновенно высокие моральные качества, чувство долга (и) и преданность правителю (чжун). Объединяет их и общая судьба: все они были обречены на гибель, поскольку таланты их не были востребованы, в своих свершениях они постоянно наталкивались на противодействие двора. Именно на этом акцентируют внимание читателя авторы резюме, завершающего 274 цз.<sup>4</sup> При этом они особо выделяют Ши Кэ-фа, он безусловно главный герой данного цзюаня, несмотря на сравнительно непродолжительную карьеру (она началась в 1628 г.). Его биография здесь самая обстоятельная, она является также одной из самых крупных в разделе «Ле чжуань». Почти весь ее текст посвящен нанкинскому периоду деятельности Ши Кэ-фа в течение 1644—1645 гг.

Отбирая материалы для биографии, авторы стремились показать нравственное совершенство героя, его неустанную заботу о судьбе го-

<sup>1</sup> Некоторые авторы полагают, что эпизод с самозванцем — очередная интрига Ма Ши-ина.

<sup>2</sup> Мин ши. Т. 3. Цз. 308. С. 31550.

<sup>3</sup> Там же. Цз. 274. С. 31120—31126.

<sup>4</sup> Там же. С. 31129.

сударства и беззаветную верность правителю. При этом они подчеркивают, что Ши Кэ-фа прекрасно понимал, что Чжу Ю-сун не может занимать престол. По их данным, именно Ши Кэ-фа был одним из главных противников его коронации<sup>1</sup>, ему же принадлежит и убийственная характеристика будущего правителя, которая позже получит широчайшее хождение в исторической литературе. Авторы биографии сообщают, что Ши Кэ-фа назвал следующие семь пороков Чжу Ю-суна: алчен, развратен, пьет без меры, непочтителен к родителям, жесток по отношению к подданным, не читает книг, вмешивается в компетенцию других<sup>2</sup>. Однако когда коронация все же состоялась, Ши Кэ-фа стал верным слугой правителя, мужественно перенося его несправедливость и козни временщиков. В отличие от Ма Ши-ина, погрязшего в коррупции и интригах, Ши Кэ-фа озабочен состоянием государственных дел, включенные в текст биографии фрагменты его докладов содержат рекомендации по преодолению кризиса, налаживанию дел правления, организации армии, укреплению обороны и некоторым другим аспектам жизнедеятельности нанкинского режима. Однако на государственном поприще Ши Кэ-фа не преуспел: его рекомендации реализованы не были, а сам он стал объектом постоянных нападок временщиков, для которых была неприемлема принципиальная позиция генерала, его бескорыстное служение государю. В конце концов он был удален от двора.

Примечательна концовка биографии Ши Кэ-фа, занимающая значительную часть текста; здесь авторы рассказывают о его главном свершении. Когда нанкинский режим оказался на грани краха, Ши Кэ-фа не стал заботиться о спасении своей жизни, как это сделал Ма Ши-ин, а срочно отправился на защиту вверенного его попечению города Янчжоу, к которому подошли цинские войска. Однако, несмотря на героическое сопротивление, город пал, Ши Кэ-фа неудачно пытался покончить с собой, был схвачен врагами и убит. Этот эпизод изложен лаконично, и то, что Ши Кэ-фа убили цинские солдаты, не акцентируется. Завершает же биографию пассаж, где авторы приводят дополнительные свидетельства необыкновенных качеств генерала. Выполнен он в откровенно дидактической манере, характерной для житийной литературы.

Героическая гибель Ши Кэ-фа, равно как и его бескорыстная служба своему государю, — еще одно свидетельство порочности режима: в соответствии с нормами политической культуры императорского Китая неспособность правителя должным образом распорядиться талантами, всегда являлось верным признаком расстройства дел правления, а следовательно, и скорой утраты престола.

Весьма своеобразно трактуют авторы биографии государственную деятельность Ши Кэ-фа. Изображая генерала непримиримым борцом

<sup>1</sup> Некоторые источники сообщают, что именно Ши Кэ-фа обеспечил приход к власти Чжу Ю-суна.

<sup>2</sup> Мин ши. Т. 3. Цз. 274. С. 31121.

против тлетворного влияния на дела правления Ма Ши-ина и его клеветов, они постарались показать, как видел выход из кризиса Ши Кэ-фа. По его мнению, главной задачей режима являлась борьба с повстанцами, именно на этом следовало сосредоточить все усилия. Подобная рекомендация в устах крупного государственного деятеля, пекущегося об интересах страны, звучит довольно странно, поскольку главная угроза Нанкину, да и всему Китаю исходила в то время, конечно, от маньчжуров. Нанкинский режим возник как ответная акция на вступление маньчжуров в Пекин, именно для защиты от них были сформированы четыре армейские группировки (чжэнь), к тому же город Янчжоу, гарнизоном которого командовал Ши Кэ-фа, также являлся важным форпостом на пути возможного вторжения маньчжуров в Южный Китай. Основные же силы двух главных объединений повстанческих отрядов (Ли Цзы-чэна и Чжан Сянь-чжуна) непосредственной угрозы Нанкину в то время не представляли. В этой связи обращает на себя внимание практически полное отсутствие в биографии Ши Кэ-фа свидетельств о какой-либо реакции генерала на присутствие маньчжуров в Китае, в ней отсутствует даже упоминание о его переписке с фактическим правителем маньчжуров в то время принцем-регентом Доргоном (1612—1650) — неординарном акте, оставившем заметный след в истории того времени (на этой переписке мы остановимся ниже).

Еще более странно звучат в устах Ши Кэ-фа суждения о статусе нанкинского режима и возможности его сохранения. Из приведенных в биографии фрагментов доклада Ши Кэ-фа следует, что он трактовал нанкинский режим не как власть общекитайскую, продолжение династии Мин, а как «бянь ань» — так в императорском Китае назывались автономные режимы, существующие какое-то время на части территории государства, где правит другая династия. От главы такого образования обладания Мандатом Неба не требовалось, и, видимо, предполагалась его определенная зависимость от находившегося тогда на китайском престоле законного императора — Сына Неба. Размышляя в своем докладе о возможности утверждения подобного режима в то время, Ши Кэ-фа обращается к опыту Восточной Цзинь (317—420) и Южной Сун (1127—1279). Первая династия, как считает генерал, реализовать такую возможность не смогла, поскольку претендовала на общекитайскую власть, а правители Южной Сун с самого начала ограничились тем, что им досталось после завоевания северной части страны чжурчжэнями и поэтому сумели продержаться довольно долго. Подобные суждения следовало, очевидно, понимать как рекомендации Чжу Ю-суну отказаться от попыток вернуть себе престол предков и сосредоточиться на делах подконтрольной ему территории; означало это и отказ от каких-либо попыток решить маньчжурскую проблему.

Подобные суждения плохо соответствуют образу чиновника-«патриота», который стремились нарисовать авторы биографии Ши Кэ-фа, не согласуются они и со сведениями о деятельности Ши Кэ-фа, имеющимися в других источниках. Но зато они довольно точно совпадают с

основами политического курса, который проводили в то время цинские власти. Совпадают рекомендации Ши Кэ-фа и с тем, как оценивал судьбу нанкинского режима император Цянь-лун в своих комментариях к минской части официальной компиляции «Юйпи лидай „Тун цзянь“ цзи лань»<sup>1</sup>. Цянь-лун считал, что у Чжу Ю-суна, действительно, была возможность стать основателем режима «бянь ань» со столицей в Нанкине, но использовать эту возможность в силу своей порочной природы он не смог, а потому погубил созданное государство и погиб сам. Есть серьезные основания полагать, что авторы биографии вложили в уста популярного в Китае человека, национального героя суждения, которые отвечали интересам цинских властей, а не тех сил, которые в то время боролись за интересы Китая. Новым правителям страны было очень важно донести до потомков мысль о том, что основы их политического курса отражали чаяния таких людей, как Ши Кэ-фа. Впрочем, все эти вопросы, а они имеют принципиальное значение для понимания драматических событий того периода, требуют специального и весьма обстоятельного изучения, ибо о позициях, которые занимали представители разных сил, выступавших в то время на политической арене Китая, мы знаем очень мало.

Как уже говорилось выше, авторы биографии Ши Кэ-фа не сообщили о его переписке с принцем-регентом Доргоном. Между тем эпизод этот, безусловно, относится к числу важнейших в служебной карьере генерала; важен он и для истории нанкинского режима, поскольку является одним из немногих свидетельств прямых контактов двух противостоявших в то время сторон. Первым официальным трудом, где появилась информация о переписке, стали «ши лу», посвященные деяниям цинского императора Шунь-чжи. Как и «Мин ши», это сочинение было завершено к 40-м годам XVIII в., но в отличие от династийной истории носило секретный характер и готовилось всего в нескольких экземплярах. В «ши лу» опубликован полный текст письма Доргоня, а также сказано об ответе Ши Кэ-фа<sup>2</sup>. А полностью переписка была опубликована лишь в минской части «Юйпи лидай „Тун цзянь“ цзи лань», которое было опубликовано в начале 70-х годов XVIII в.<sup>3</sup>

Как сообщают авторы этого сочинения, свое письмо Доргонь передал Ши Кэ-фа с двумя участниками находившегося в Пекине посольства Чжу Ю-суна. В нем говорилось о том, что, когда династия Мин

<sup>1</sup> «Мин ши» ли ань. Цз. 1. С. 126—13а.

<sup>2</sup> Дай Цин Ши-цзу Чжанхуан-ди ши лу (Правдивые записи о правлении Величественного Августейшего императора Ши-цзу Великой Цин) // Дай Цин ли чао ши лу цзиньин бэнь (Правдивые записи о правлении всех императоров Великой династии Цин). Токио, 1937. Тао 1. Цз. 2. Цз. 6. С. 166—196. Фотолитографическое издание.

<sup>3</sup> Юйпи лидай «Тун цзянь» цзи лань (Высочайше утвержденное собрание «Всеобщих зеркал» в порядке очередности династий). Б. м., б. г. Цз. 116. С. 37а—396. Почти одновременно Цзян Лян-ци (1722—1789) опубликовал текст писем в подготовленной им компиляции «Дун хуа лу» («Записки у ворот Дунхуа»).

попала в беду, император погиб, а столицу захватили повстанцы, маньчжуры, несмотря на непростые отношения с империей, сразу же откликнулись на обращение У Сань-гуя (1612—1678) о помощи и изгнали «разбойников» из Пекина. А тем временем чиновники Южного Китая, ничего не сделав для спасения государя и не попытавшись даже отомстить «разбойникам» за его гибель, поспешили возвести на престол правителя в Нанкине. Подобные действия Доргонь решительно осуждает и подчеркивает, что нанкинский режим незаконен. Единственно законной властью в стране, по его мнению, является династия Цин, и обоснованию данного положения в письме Доргоня отведено большое место. В качестве главного аргумента легитимности цинской власти Доргонь указывает на то, что династию Мин погубили не маньчжуры, а повстанцы, именно у них, а не у минского императора маньчжуры отобрали столицу, в строгом соответствии с ритуалом воздали почести погибшим августейшим супругам, с должным уважением отнеслись к заслуженным минским чиновникам, сохранив им прежние чины и звания, поощряют земледелие и торговлю. Ссылаясь далее на свой приказ, Доргонь требует отречения Чжу Ю-суна от престола, а от чиновников покорности и участия вместе с цинскими войсками в истреблении «разбойников», что, по его мнению, было в то время главной задачей, стоявшей перед страной. В случае выполнения этих требований Доргонь гарантировал почет и уважение нанкинскому правителю, а чиновникам — сохранение их постов и материальное благополучие. В противном случае Доргонь грозил повернуть войска, направленные против Ли Цзы-чэна, на Нанкин, пустив впереди «разбойников», которым в этом случае будут прощены их преступления. В заключении своего письма Доргонь отмечает необычайно высокие моральные качества Ши Кэ-фа и выражает надежду, что он сможет сделать правильный выбор, а чиновники Южного Китая объединятся для совместной борьбы с повстанцами.

Ши Кэ-фа начинает свое письмо с описания достоинств погибшего минского императора Чун-чжэня и винит себя за то, что не смог ему помочь. Затем он останавливается на коронации Фу-вана и создании в Нанкине органов власти, подчеркивая при этом легитимность происшедшего. По словам Ши Кэ-фа, главной целью нанкинского режима является бескомпромиссная борьба с «разбойниками». Вопросы организации совместных действий против них должно обсудить направленное в Пекин специальное посольство. Что же касается действий маньчжуров в Китае, то в Нанкине, сообщает Ши Кэ-фа, с благодарностью узнали о том, что они откликнулись на просьбу о помощи «нашего генерала У Сань-гуя», наказали «разбойников» и воздали положенные почести покойному минскому императору. Теперь, по мнению Ши Кэ-фа, они должны помочь Чжу Ю-суну, поскольку являются вассалами империи Мин. Поддержка, которую в трудные для Китая времена оказали маньчжуры, не имеет прецедентов в истории, отмечает Ши Кэ-фа, и заявляет о готовности отблагодарить их за верную службу, как это всегда делали правители Китая в отношении со-

седей, откликнувшихся на их просьбы о помощи. Завершая свое письмо, Ши Кэ-фа предупреждает Доргоня от попыток воспользоваться тяжелым положением, в котором оказалась страна в то время.

Как видим, оба приведенных документа мало похожи на частную переписку, они касаются принципиальных вопросов взаимоотношений Пекина и нанкинского режима и фактически представляют собой политические декларации двух противостоящих сил. Характер этих документов ставит перед историками вопросы, ответить на которые не легко. Назовем некоторые из них.

В обращении Доргоня изложена хорошо известная по другим документам официальная позиция цинских властей. А чью позицию излагал в своем письме генерал Ши Кэ-фа, трактуя жизненно важные для существования нанкинского режима проблемы, неясно. Каких-либо данных о том, что он получил санкцию на это от Чжу Ю-суна, нет, а выступление с собственными, далеко не во всем совпадающими с политическим курсом двора суждениями по столь острым вопросам являлось государственным преступлением, на что Ши Кэ-фа, прославившийся своей верностью трону, пойти, видимо, не мог. Да и вряд ли личное мнение генерала, пусть даже весьма заметной фигуры в нанкинском руководстве, могло представить интерес для принца-регента Доргоня, являвшегося в то время фактически правителем маньчжуров.

Когда Доргонь отправлял свое письмо Ши Кэ-фа, в Пекин уже прибыло нанкинское посольство, и вопросы, которые он ставил перед Ши Кэ-фа, несравненно более эффективно можно было обсудить с официальными представителями режима. А ответ Ши Кэ-фа последовал позже, когда уже было известно о провале переговоров и начале похода цинских войск на юг, поэтому декларация генерала во многом теряла смысл. Источники не содержат сведений о какой-либо реакции сторон на получение послания, что позволяет предположить, что особого значения для политической практики эти документы не имели. Какова же тогда была цель этих демаршей?

Как и в «Мин ши», Ши Кэ-фа в своем письме выступает сторонником бескомпромиссной борьбы с повстанцами в качестве приоритетной задачи нанкинского правительства, хотя конкретная обстановка требовала совсем другого — Нанкину необходимо было готовиться к борьбе с цинскими войсками.

Из всех крупных государственных деятелей нанкинского режима для изложения официальной позиции цинских властей принц-регент Доргонь почему-то выбрал именно Ши Кэ-фа, который, по данным цинских историков, влиянием при дворе не пользовался. Статус автора послания, а также характер проблем, которые в нем затрагивались, явно предполагали иной уровень общения. Вообще среди немалого числа обращений Доргоня к населению пока еще не покоренной страны это послание, пожалуй, единственное, которое обращено к конкретному человеку. Ссылка Доргоня на то, что он видит в Ши Кэ-фа образцового чиновника, пекущегося о делах в государстве, вряд ли

убедительна: добродетели Ши Кэ-фа стали широко известны лишь после его героической гибели, и, готовя свое письмо, Доргонь вряд ли мог о них знать.

Нуждается в объяснении и история происхождения этих писем, их непростая историографическая судьба. Некоторые специалисты по истории Цин полагают, что ни Доргонь, ни Ши Кэ-фа их сами не писали, письма готовили другие люди. Письмо Доргоня, который китайского языка не знал, составлено Ли Вэнем; в 1644—1645 гг. он служил в цинской государственной канцелярии (*нэй гэ*), его характеризуют как блестящего поэта и писателя. А ответ Ши Кэ-фа был якобы написан Хоу Фан-юем (1618—1655), тоже известным писателем, сторонником группировки Дунлинь дан; в то время он находился в Нанкине<sup>1</sup>. Были ли эти люди авторами писем или лишь техническими исполнителями, неизвестно; неизвестно также, когда и с какой целью они их готовили.

Для понимания и правильной оценки писем чрезвычайно важна их точная датировка, тем более что политическая ситуация в стране в течение 1644 г. менялась необычайно быстро<sup>2</sup>. Между тем в китайской историографии отсутствует какая-либо ясность в этом вопросе, разброс данных составляет около двух месяцев. Опубликованный цинскими историками текст писем не датирован, что противоречило нормам деловой переписки, а отнесены они ими к событиям 10 лунного месяца, хотя в «ши лу» указано, что свое письмо Доргонь отправил в 27 день 7 лунного месяца (28 августа).

В своих комментариях к тексту переписки император Цянь-лун сообщает, что обнаружена она была в архиве государственной канцелярии (*нэй гэ*). Скорее всего, это был ее единственный экземпляр; тот, что находился у Ши Кэ-фа, видимо, погиб. Тем не менее во второй половине XVII в. историк Цзи Лю-ци (1622—?) опубликовал письма в своем труде «Заметки о событиях на юге в конце династии Мин»<sup>3</sup>. Где он смог познакомиться с ними, не состоя на государственной службе, и как решился опубликовать в условиях начинавшейся «литературной инквизиции», когда жесточайшим преследованиям подвергались многие неофициальные сочинения по истории Мин, — непонятно. В то же время один из крупнейших историков XVII в. Тань Цянь (1594—1657), автор огромного труда по истории Мин «Оценка событий нашей династии» («Го цюэ»), человек, который не только находился в 1644 г. в Нанкине и лично знал многих крупных деятелей режима, но и многие годы скрупулезно собиравший сведения о

<sup>1</sup> Сяо И-шань. Указ. соч.

<sup>2</sup> Некоторые особенности письма Ши Кэ-фа дают основания предположить, что это не был ответ на письмо Доргоня и, следовательно, цинские историки объединили два самостоятельных документа. Установление точного времени подготовки и отправки писем могло бы существенно помочь в решении данной проблемы.

<sup>3</sup> Цзи Лю-ци. Мин цзи нань люэ (Заметки о событиях на юге в конце династии Мин). Б. м., б. г. Цз. 7. С. 26а—316.

последних десятилетиях существования династии Мин, о переписке не сообщает ничего<sup>1</sup>.

Сказанное отнюдь не исчерпывает всех вопросов, которые возникают при знакомстве с текстом переписки. Ответ на них — дело специалистов и, видимо, непростого исследования. Мы же можем лишь констатировать, что многое указывает на весьма сложную судьбу этих документов и позволяет усомниться в их аутентичности. Однако цинские власти придавали им исключительно большое значение.

Публикация переписки в «Юйпи лидай „Тун цзянь“ цзи лань» сопровождается весьма обстоятельным примечанием редактировавшего этот труд императора Цянь-луна, в котором он счел необходимым специально прокомментировать данный факт. В нем император сообщает, что еще в молодости любил слушать о том, как принц-регент Доргонь направил минскому генералу Ши Кэ-фа письмо, но сам познакомиться с перепиской смог лишь недавно, когда ее обнаружили в архиве государственной канцелярии. Цянь-лун отмечает прямоту речей Доргоня и чистоту его помыслов, строгое следование принципам «Чунь цю» и неприятие им нанкинского режима как самостоятельного государства<sup>2</sup>. Но основное внимание в своем комментарии Цянь-лун уделил характеристике Ши Кэ-фа и его письма, — очевидно, именно это и было его главной целью.

Император настойчиво повторяет мысль о необыкновенных качествах генерала и прежде всего его прямоте, верности и необычайной стойкости духа, что роднило Ши Кэ-фа с сунским патриотом Вэнь Тянь-сяном (1236—1283)<sup>3</sup>. По мнению Цянь-луна, текст письма несет на себе глубокий отпечаток необыкновенно яркой личности Ши Кэ-фа и поэтому его необходимо сохранить для потомков. Особо Цянь-лун останавливается на тех положениях письма, которые, как ему кажется, могли быть неверно истолкованы современниками. Очевидно, он имел в виду слова генерала о том, что маньчжуры являлись вассалами империи Мин. Подобные суждения жесточайше преследовались цинскими властями. Однако Цянь-лун считает, что в данном случае это всего лишь свидетельство верности Ши Кэ-фа: выступая как чиновник, преданный трону, он мог лишь следовать официальным минским концепциям.

Размышления о подвиге Ши Кэ-фа дали повод Цянь-луну вновь осудить Чжу Ю-суна. По его мнению, если бы таланты Ши Кэ-фа были востребованы, то появилась бы возможность сохранить государ-

<sup>1</sup> *Тань Цянь. Го цюэ (Оценка событий нашей династии). Шанхай, 1958. Т. 6. Цз. 101.*

<sup>2</sup> После смерти Доргонь был осужден, а его сподвижники подверглись репрессиям. Поэтому добрые слова Цянь-луна в его адрес — знак реабилитации этого крупнейшего государственного деятеля начала Цин.

<sup>3</sup> Данное положение, очевидно, стало в цинском Китае неотъемлемой принадлежностью официального образа Ши Кэ-фа. Так, авторы биографии генерала сообщают, что накануне его рождения мать видела во сне Вэнь Тянь-сяна (Мин ши. Т. 3. Цз. 274. С. 31120).

ство в Южном Китае, как это произошло при династии Сун. Однако правитель был беспечен, о будущем не заботился и поэтому ни армия, ни верные чиновники помочь ему уже не могли, им только и оставалось, что погибнуть. То есть, по мнению Цянь-луна, причина гибели нанкинского режима — в его собственных пороках, действия маньчжурских войск на юге в расчет не принимаются<sup>1</sup>.

Неблагополучие дел правления в Нанкине и высокие помыслы авторов писем — вот что увидел в переписке император Цянь-лун. Ее конкретное содержание, суть трактуемых там проблем оставлены им без внимания. Очевидно, они для него интереса не представляли. Именно в таком своем качестве переписка и вошла в обновленную версию истории нанкинского режима, которой посвящен 116 цзюань «Юйпи лидай „Тун цзянь“ цзи лань». Она стала важным компонентом целой серии шагов, предпринятых цинскими властями во второй половине XVIII в. по канонизации образа Ши Кэ-фа как образцового, верного долгу и беззаветно преданного своему правителю чиновника.

Ши Кэ-фа — личность, безусловно, яркая, его деятельность на службе Чжу Ю-суну и особенно героическая гибель во время обороны Янчжоу были хорошо известны современникам, глава одного из южнотоминских режимов Тан-ван Чжу Ю-цзянь (1602—1646) отметил его подвиг почетным титулом «чжун цзин» (преданный и почтительный). Но национальным героем, одним из наиболее почитаемых государственных деятелей в истории Китая, память о котором жива и поныне, Ши Кэ-фа стал главным образом стараниями цинских властей со второй половины XVIII в. В 1768 г. возле могилы Ши Кэ-фа, что у северных ворот Янчжоу, был воздвигнут храм в его честь<sup>2</sup>. В 70-е годы император Цянь-лун своим специальным указом пожаловал Ши Кэ-фа почетный титул «чжун чжэн» («преданный и принципиальный»), под которым он и вошел в историю. Приблизительно в то же время переписка Ши Кэ-фа с Доргоном была отмечена императором и стала включаться в хрестоматии, получила широчайшее распространение в империи, на ней воспитывалось не одно поколение цинской интеллигенции<sup>3</sup>.

Само по себе прославление цинскими властями Ши Кэ-фа — одного из наиболее ярких представителей враждебных новой династии сил, нанесшего немалый урон цинским войскам, вполне соответствует нормам политической культуры императорского Китая, свидетельств тому в истории Китая немало. Очевидно, официальная версия истории

<sup>1</sup> Юйпи лидай «Тун цзянь» цзи лань. Цз. 116. С. 38а — 396.

<sup>2</sup> Хотя в «Мин ши» воспроизведено немало деталей, относящихся к гибели Ши Кэ-фа, в том числе и его предсмертные слова, по данным источников, его тело среди погибших при обороне Янчжоу не нашли и позже земле была предана лишь окровавленная одежда генерала. Как удалось ее обнаружить, не сообщается.

<sup>3</sup> Данное обстоятельство, очевидно, сыграло немалую роль в том, что переписка рано попала в поле зрения европейских синологов и была переведена на немецкий язык (*Wilhelm Hellmut. Ein Briefwechsel zwischen Durgan und Schi Ko-fa // Sinica, VIII. N. 5/6. S. 239 — 245*).

смены династий требовала не только отрицательных, но и положительных героев. Непонятно другое, почему из всех деятелей этого периода выбор пал именно на Ши Кэ-фа. То, что за этим стоял определенный политический расчет, представляется несомненным.

Со времени Синьхайской революции, которая сопровождалась мощной антиманьчжурской и антицинской пропагандой, образ Ши Кэ-фа начинает трактоваться иначе, чем это делали цинские историки: он начинает изображаться как герой начального этапа антиманьчжурской борьбы, совершивший свой главный подвиг, обороняя Янчжоу от цинских войск. Но аргументируется подобная оценка данными, заимствованными из цинских официальных трудов, которые и в XX в. для многих историков остаются самым авторитетным источником. Все это мало способствует освобождению образа Ши Кэ-фа от имиджа, созданного ему официальной историографией, пониманию истинной роли этого безусловно неординарного человека в событиях 1644—1645 гг.

Помимо генерала Ши Кэ-фа в «Мин ши» представлены также биографии трех из четырех командующих армейскими группировками (*чжэнь*) — Гао Цзе (ум. в 1645), Лю Цзэ-цина (ум. в 1648) и Хуан Дэ-гуна (ум. в 1645)<sup>1</sup>, а также генерала Цзо Лян-юя (1598—1645), чья расположенная в Учане двухсоттысячная армия являлась одной из наиболее сильных и боеспособных среди войск, имевшихся в распоряжении Чжу Ю-суна. Как и генерал Ши Кэ-фа, эти люди, по данным «Мин ши», сыграли очень важную роль в становлении и существовании нанкинского режима, что само по себе характеризовало его весьма негативно: для легитимного «конфуцианского» монарха демонстративная опора на военную силу была неприемлема. Еще более убедительные свидетельства порочности режима содержатся в тексте биографий этих крупных государственных деятелей.

Биографии трех из названных выше четырех генералов (Гао Цзе, Лю Цзэ-цина и Цзо Лян-юя) включены в состав 273 цз. В завершающем его текст резюме авторы данного цзюаня так характеризуют своих героев: все они — люди недисциплинированные и жестокие, их служебная карьера отмечена крупными проступками. «Своей заносчивостью, — пишут они, — Лян-юй нанес большой ущерб, своим стремлением к праздности он породил несчастья». «Гао Цзе и Цзу Куань (еще один герой 273 цз.) по характеру были исключительно дерзкими. Особенно жестоким был Гао Цзе, он на всех наводил ужас»<sup>2</sup>.

Центральное место в 273 цз. отведено биографии генерала Цзо Лян-юя<sup>3</sup>. Большую часть своей служебной карьеры он провел, участвуя в карательных экспедициях против повстанцев, и, согласно «Мин

<sup>1</sup> Командующий четвертой группировкой генерал Лю Лян-цзо (ум. в 1667) после падения Нанкина служил цинам, а потому отнесен к «чиновникам, служившим двум династиям» (*эр чэнь*), и в «Мин ши» не попал.

<sup>2</sup> Мин ши. Т. 3. Цз. 273. С. 31119.

<sup>3</sup> Там же. С. 31107—31113.

ши», уже тогда его своеволие не раз угрожало сорвать операции правительственных войск. После гибели императора Чун-чжэня его отношения с Нанкином складывались непросто. Как утверждают авторы биографии, генерал Цзо Лян-юй возражал против возведения на престол Фу-вана, а после его коронации со двором был связан мало и в основном находился в своей ставке в Учане. Тем не менее Цзо Лян-юй был фигурой влиятельной, поскольку под его началом находились крупные силы, а сам генерал пользовался авторитетом среди военных деятелей режима.

Основу этой части его биографии составляет повествование о противостоянии Цзо Лян-юя и Ма Ши-ина, которое в конечном итоге привело к открытому выступлению генерала против Нанкина. Как уже говорилось, поводом послужил арест нанкинскими властями объявившегося там самозванца. Погрузив своих солдат в джонки, Цзо Лян-юй отправился по Янцзы к Нанкину. Это предрешило судьбу режима: пытаясь защитить столицу, Ма Ши-ин стал стягивать туда войска, прикрывавшие северные рубежи района, контролируемого Чжу Ю-суном, система обороны была разрушена и вскоре у стен Нанкина оказались маньчжурские войска под предводительством Додо.

Что же касается Цзо Лян-юя, то он не смог завершить предпринятую им акцию: не дойдя до Нанкина, он умер, а его сын, который возглавил армию, сдался цинам.

Может показаться, что авторы изменили свое мнение о Цзо Лян-юе и в этой части биографии он выступает как представитель здоровых сил, которые боролись за очищение режима от пороков и их олицетворения Ма Ши-ина. Но это не так, до последних дней Цзо Лян-юй остается героем отрицательным: он выступил против правителя, которому служил, в защиту никому не ведомого самозванца. Как мы видели, Ши Кэ-фа, моральные качества которого составителями «Мин ши» прославляются, сохранил верность правителю до конца несмотря ни на что. Акцентируя эпизод с самозванцем, авторы биографии Цзо Лян-юя еще раз демонстрируют читателю истинную цену этого защитника, а заодно и самого режима, которому он служил.

Гао Цзе — повстанческий предводитель, который лишь в начале 40-х годов XVII в. перешел на сторону правительственных войск и довольно быстро добился признания и высоких постов.

Первый эпизод той части биографии Гао Цзе, что посвящена его службе в Нанкине, касается назначения его командующим одной из четырех армейских группировок (*чжэнь*). Когда жители Янчжоу, где должна была находиться ставка Гао Цзе, узнали об этом, они пришли в ужас, и генерал был переведен в Сюйчжоу. А в Янчжоу через некоторое время получил назначение Ши Кэ-фа.

Основной материал этой части биографии Гао Цзе посвящен его бесконечным и весьма острым конфликтам с другими генералами, что в конце концов и привело Гао Цзе к гибели: он был убит на банкете очень известным в истории Китая южноминским деятелем Сюй Дин-го (ум. в 1646), который после этого сдался цинским властям. «На-

род, — сообщают авторы биографии, — узнав о гибели Гао Цзе, обрадовался». Это очень важное свидетельство, поскольку в политической культуре императорского Китая «глас народа», «общественное мнение» выступали как беспристрастный судья, дающий точную и окончательную оценку государственному деятелю и его свершениям. В заключении биографии авторы приводят серию эпизодов, крайне негативно характеризующих Гао Цзе<sup>1</sup>.

Командующий другой армейской группировкой Лю Цзэ-цин получил в «Мин ши» лишь небольшую «дополнительную» биографию, хотя он и являлся заслуженным минским генералом, который впервые отличился еще в 20-е годы, сражаясь с маньчжурами в Ляодуне; она включена в состав биографии «разбойника» Гао Цзе<sup>2</sup>. Как сообщают авторы биографии, в Нанкине Лю Цзэ-цин активно поддержал возведение на престол Фу-вана, выступив таким образом как сторонник Ма Ши-ина. Приведенные в биографии несколько эпизодов из его деятельности на посту главнокомандующего демонстрируют беспринципность Лю Цзэ-цина, его алчность и другие пороки. Когда в начале 1645 г. Янчжоу был окружен цинскими войсками, Лю Цзэ-цин нарушил приказ и не пошел на выручку, что, видимо, во многом предопределило падение города и гибель Ши Кэ-фа. Некоторое время он находился в бегах, а потом попал в плен и в 1648 г. казнен цинскими властями — «за беспринципность», как сказано в биографии. Чем Лю Цзэ-цин занимался почти три года, находясь в плену, авторы не сообщают. А завершает биографию пассаж, живописующий пороки этого генерала.

Биография еще одного нанкинского главнокомандующего, генерала Хуан Дэ-гуна помещена составителями в 268 цз., который повествует о людях исключительных моральных качеств, безвинных жертвах неспособных и порочных правителей<sup>3</sup>. Большая часть биографии посвящена службе Хуан Дэ-гуна в Нанкине, где он неизменно демонстрирует свои исключительно высокие моральные качества и верность долгу. Однако в условиях, сложившихся в окружении нанкинского правителя, его блестящие данные оказались невостребованными, все его попытки навести порядок успеха не имели. Но когда Нанкин пал и над Чжу Ю-суном нависла смертельная опасность, он нашел прибежище именно в лагере Хуан Дэ-гуна. Защищая правителя, генерал и совершил свой главный подвиг: оказавшись не в состоянии противостоять врагу (то, что это были цинские войска, авторы специально не подчеркивают), Хуан Дэ-гун покончил с собой, заколовшись стрелой, которая попала ему в шею; вслед за этим свела счеты с жизнью и его жена. А Чжу Ю-сун был арестован одним из помощников Хуан Дэ-гуна и передан цинским властям. В данной биографии, как и в жизнеописаниях других положительных героев, изложение подчинено ди-

<sup>1</sup> «Мин ши». Т. 3. Цз. 273. С. 31116—31117.

<sup>2</sup> Там же. С. 31117—31118.

<sup>3</sup> Там же. Цз. 268. С. 31066—31067.

дактическим целям, многие эпизоды носят откровенно учительный характер.

В отличие от военных гражданские чиновники среди нанкинских государственных деятелей, получивших биографии в «Мин ши», представлены значительно хуже. Особого внимания здесь заслуживает Цзо Моу-ди, с чьим именем связана крупнейшая политическая акция Чжу Ю-суна — его попытка урегулировать отношения с маньчжурами посредством переговоров<sup>1</sup>. Биография Цзо Моу-ди — единственное место в «Мин ши», где сообщается об этом неординарном акте нанкинского режима: ни в биографии правителя, под эгидой которого готовилось посольство, ни в биографии Гао Хун-ту (цз. 274), чьи рекомендации легли в основу его программы, ни в биографии Ма Ши-ина, который, по данным некоторых источников, являлся одним из инициаторов данного предприятия, сведений о нем нет. Отсутствуют в «Мин ши» и биографии двух других членов посольства — Ма Шао-юя и Чэнь Хун-фаня<sup>2</sup>.

В той части биографии Цзо Моу-ди, что посвящена его службе в Нанкине, описание посольства занимает центральное место, фактически это единственный эпизод, который привлек внимание цинских историков. Само посольство именуется здесь как «экспедиция на север» (бэй син), а его цель определена как «налаживание хороших отношений» (тун хао). Возглавить посольство было поручено Цзо Моу-ди, при этом подчеркивается, что выбор пал на него случайно: он собирался ехать на похороны матери в Тяньцзинь. Главное, чему уделили внимание авторы биографии в этом эпизоде, — развернутая аргументация Цзо Моу-ди против включения в состав посольства Ма Шао-юя и Чэнь Хун-фаня. Он требовал изменить приказ, в противном случае отказываясь возглавить миссию. Однако доводы Цзо Моу-ди услышаны не были, последовал новый приказ, и посольство стало готовиться в путь. Таким образом, составители «Мин ши» в который уже раз демонстрируют читателю острейшие противоречия, которые раздирали нанкинское правительство, а также неспособность правителя воспользоваться советами верных ему чиновников.

Далее следует пространное обращение Цзо Моу-ди, с которым тот обратился к государю перед отбытием миссии из Нанкина. В нем он восхвалял стремление Чжу Ю-суна воздать почести погибшему императору и отомстить за его гибель повстанцам, кроме того, он изложил план первоочередных мер по укреплению обороны подконтрольных Нанкину территорий. Судя по контексту, обороняться предполагалось вовсе не от маньчжуров, а от «разбойников». Рекомендации Цзо Моу-ди были приняты. Данное суждение показывает, что глава посольства

<sup>1</sup> Там же. Цз. 275. С. 31135—31137.

<sup>2</sup> По непонятным причинам оба эти персонажа оказались забытыми историками — как цинскими, так и современными. Особенно загадочна фигура Ма Шао-юя, который всего трижды упоминается в «Мин ши», хотя включение этого человека в состав посольства — свидетельство того, что это был отнюдь не рядовой чиновник.

видел свою задачу в активизации борьбы с повстанцами. Как уже отмечалось выше, именно эти задачи считались в то время приоритетными и цинскими властями.

Получив из казны для подарков 100 тысяч лян серебра и несколько десятков тысяч штук шелка, Цзо Моу-ди в сопровождении эскорта отбыл на север. Описание самого посольства достаточно лаконично, авторы биографии посчитали необходимым сообщить лишь о некоторых фактах. Никакой информации о переговорах и их содержании в биографии нет, сообщается лишь, что какие-либо акции в память о погибшем императоре были запрещены — это была прерогатива законной власти. 26 ноября посольство двинулось в обратный путь. Большое место в этой части биографии отведено рассказу о предательстве одного из послов — Чэнь Хун-фаня: он вступил в контакт с цинскими властями, рекомендовал им вернуть в Пекин Цзо Моу-ди и его спутников, а сам по возвращении в Нанкин обязался склонить к сдаче тамошних генералов.

Завершает биографию рассказ о том, как находившийся в плену Цзо Моу-ди тяжело переживал дошедшую до него весть о падении Нанкина летом 1645 г. Он и пять офицеров из его окружения категорически отказались служить новым правителям Китая. Цзо Моу-ди даже отрекся от брата, перешедшего на сторону цинов, — поступок для китайского общества экстраординарный. Вскоре пленники были казнены «как отказавшиеся сдать».

Посольство — главное свершение Цзо Моу-ди, и рассказ о нем в значительной мере ориентирован на то, чтобы охарактеризовать этого человека. Моральные качества Цзо Моу-ди авторы биографии оценивали очень высоко, а его гибель в плену у маньчжуров — как подвиг во имя правителя, яркую демонстрацию стойкости и верности долгу. «Цзо Моу-ди, — сообщают они в резюме к 275 цз., — полагался на ритуал, был до конца честен и, пройдя через тяжелые испытания, умер, не сожалея о том, что взялся за исполнение обязанностей посла, не поступился принципами»<sup>1</sup>.

После смерти Цзо Моу-ди был канонизирован цинскими властями, и его биография в «Мин ши» — лишь одно из важных звеньев в этой кампании. Еще до завершения работы над династийной историей на родине Цзо Моу-ди был возведен храм в его честь, а в 1776 г. император Цянь-лун пожаловал ему почетный титул «преданный и бескорыстный» (*чжун чжэнь*). В империи было хорошо известно заявление Цзо Моу-ди, которое он якобы сделал накануне казни, где он сравнивал себя с чжоуским героем Чжан Хуном, пролившим свою «яшмовую кровь» (*би сюэ*) за своего государя<sup>2</sup>. А то, что Цзо Моу-ди казнили по приказу принца-регента Доргоня, оказалось надолго забыто, и лишь в период подготовки Синьхайской революции он был причислен

<sup>1</sup> Мин ши. Т. 3. Цз. 275. С. 31138.

<sup>2</sup> В Китае выражения «яшмовая кровь», «кровь, превратившаяся в яшму» стали символом беззаветной преданности.

к героям антиманьчжурской борьбы. Очень многое в официальной трактовке образа Цзо Моу-ди роднит его с Ши Кэ-фа: оба они не щадили сил для укрепления нанкинского режима и погибли за своего государя, хотя именно он был в конечном итоге повинен в том, что им обоим пришлось расстаться с жизнью.

Что же касается самого посольства, то информация о нем, содержащаяся в биографии Цзо Моу-ди, весьма скупа и явно тенденциозна, она не дает представления о сути этой акции, ее значении, месте в событиях того времени. Посольству нарочито придан случайный, необязательный характер, а акцентированные авторами детали указывают на его бесперспективность, обреченность на неудачу. Ничего не сообщается в биографии о самих переговорах. Второй их участник — маньчжурская сторона — почти не упоминается и выступает не в качестве партнера, а как некая высшая внешняя сила, диктующая свои условия поверженному врагу. Акценты авторов биографии на неурядицах и спорах при подготовке посольства, борьбе и откровенном предательстве среди его участников убеждают читателя в неизбежной неудаче данного предприятия, а также в деградации дел правления в Нанкине.

Приблизительно так же сообщается о посольстве и в другом официальном труде, посвященном начальному этапу существования династии Цин, — «Дай Цин Ши-цзу...», хотя по составу фактического материала и акцентам предложенная авторами этого труда версия и отличается несколько от того, что сообщается в «Мин ши».

Иначе история посольства излагается в неофициальных трудах современников событий, а также в работах некоторых современных историков, которые опираются на данные этих трудов, хотя чаще всего современная историография не уделяет посольству серьезного внимания и в своих оценках следует за цинскими придворными историками<sup>1</sup>. Не пытаясь дать исчерпывающий очерк этого крупнейшего события в истории нанкинского режима, приведем здесь лишь сводку основных, наиболее известных из относящихся к нему фактов, поскольку это поможет лучше понять то, что рассказали о посольстве авторы биографии Цзо Моу-ди.

Посольство было предпринято всего через несколько недель после коронации Чжу Ю-суна и готовилось весьма основательно. Одним из инициаторов этой акции был Ма Ши-ин, а программа действий посольства предложена нанкинским сановником Гао Хун-ту и предусматривала решение нескольких крупных проблем. Центральная среди них — урегулирование отношений с маньчжурами. Послы должны были поблагодарить их за помощь в разгроме повстанческих отрядов Ли Цзы-чэна и освобождении столицы от «разбойников» и передать богатые дары. В обмен за уход маньчжуров из Пекина, освобождение занятых ими к тому времени внутренних районов империи и отвод

<sup>1</sup> Так, немало интересных сведений о посольстве содержится в уже упоминавшемся труде Тань Цяня «Го цюэ». Сохранился даже дневник одного из членов посольства Чэнь Хун-фаня «История посольства на север» («Бэй ши цзи люэ»).

войск за Великую стену Нанкин заявлял о готовности передать им часть территории к северу от Великой стены и обязался ежегодно уплачивать дань. Одновременно признавалась независимость маньчжурского государства. Послам предписывалось также воздать почести погибшему императору и его супруге и обсудить с маньчжурами вопрос о постройке временной усыпальницы на горе Ваньшоушань. Посольство должно было также установить контакты с генералом У Сань-гуем, передать ему награды за решительные действия против повстанцев, а также документ о пожаловании ему титула «гун». Как видим, посольству предстояло решить целый комплекс непростых проблем отнюдь не региональных — они имели первостепенное значение для судеб страны. При этом авторы программы посольства исходили из трезвого учета обстановки, сложившейся в тот период. Как временный акт оценивали появление маньчжуров в Пекине многие современники событий. Да и сами маньчжуры поначалу объясняли свои действия стремлением наказать «разбойников», а в окружении Доргоня существовало убеждение о необходимости оставить Пекин и вернуться на исконные маньчжурские земли. Представляется важным, что и трактовка взаимоотношений империи с маньчжурами, и рекомендованные методы решения возникших проблем уже неоднократно имели место в истории Китая и полностью соответствовали сложившейся к тому времени практике. Есть немало оснований полагать, что и У Сань-гуй вел переговоры с принцем-регентом Доргоном накануне сражения при Шаньхайгуане вовсе не о капитуляции — речь там, видимо, шла об условиях, на которых маньчжуры окажут помощь в борьбе с повстанцами. И нанкинское правительство, демонстративно отмечая заслуги У Сань-гуя, официально подтверждало правильность его действий. Одновременно это была попытка заручиться поддержкой очень влиятельной силы, которой в то время являлся У Сань-гуй, означало это и решительный шаг к примирению со всеми китайскими чиновниками и генералами, которые, подобно У Сань-гую, оказались тогда в лагере маньчжуров. Все это вряд ли свидетельствует о наивности нанкинского руководства, его некомпетентности, как это пытаются доказать историки, трактующие организацию посольства как обреченную на неудачу авантюру.

Выполнение намеченной программы было поручено Цзо Моу-ди (он возглавил посольство), Ма Шао-юю и Чэнь Хун-фаню. 6 августа 1644 г. в сопровождении большого эскорта посольство отправилось из Нанкина, имея при себе крупную сумму денег и богатые дары для маньчжуров и У Сань-гуя. По непонятным причинам посольство продвигалось медленно, лишь 15 сентября оно переправилось через Хуанхэ. С дороги послы отправили гонца с письмом к У Сань-гую, но, как сообщают источники, от контактов с представителями Нанкина генерал уклонился и письмо передал Доргону. Следовательно, по крайней мере с этого времени в Пекине знали о посольстве и могли составить представление о его целях. Примечательно, что ни уничтожить его, ни требовать вернуться обратно они не стали. Доргонь лишь распорядил-

ся, чтобы местные власти на подконтрольных Пекину территориях предельно ограничили контакты с посольством, пресекали его попытки собирать информацию об обстановке в регионах, через которые продвигалось посольство, и не оказывали ему почестей. Затем последовал приказ сократить эскорт до 100 человек (первоначально он состоял из нескольких тысяч человек).

В Пекин посольство было допущено 10 ноября — сразу же по завершении официальных торжеств по случаю вступления на престол малолетнего маньчжурского правителя Фулиня — и размещено в церемониальном приказе (Хунлусы), что может быть расценено как свидетельство признания маньчжурскими властями высокого статуса посольства<sup>1</sup>. В тот же день начались переговоры. Цинское правительство на них представлял великий секретарь (дасюэши) Ганлинь — один из крупных государственных деятелей начального этапа существования династии Цин, человек очень близкий к Доргоню. Есть данные, что членами посольства встречался и принц-регент Доргонь. Все говорит о том, что переговорам с представителями Нанкина цинские власти придавали большое значение.

Переговоры шли трудно, только что прошедшая коронация маньчжурского правителя существенно меняла обстановку, в которой они происходили. По данным Сяо И-шаня, Ганлинь не стал обсуждать вопросы, поставленные перед ним правителями Нанкина, и сосредоточил внимание на законности нанкинского режима и безответственном поведении чиновников Южного Китая, которые не поддержали своего государя (императора Чун-чжэня), когда династия стояла на краю гибели. Возражения послов приняты не были. Через день Ганлинь прервал переговоры, заявив, что они не имеют смысла, поскольку на юг уже отправлены войска под командованием Додо. Предостережение послов о том, что Южный Китай (Цзяннань) велик и начинающийся поход не обязательно завершится победой, Ганлинь игнорировал. Переговоры оказались безрезультатными<sup>2</sup>. Забрав у послов дорогие подарки, цинские власти отправили их домой. Но в Нанкин отбыл лишь

<sup>1</sup> По данным источников, первоначально маньчжурские власти собирались разместить нанкинских послов в подворье, где обычно принимали данников из Кореи, Сиамы и других зависимых государств. Однако это вызвало решительное возражение послов, и тогда их резиденция была перенесена в Церемониальный приказ.

<sup>2</sup> Однако возможность достижения какой-то договоренности полностью исключать нельзя. В действиях нанкинского правительства, его реакции на начинавшийся поход цинских войск на юг немало такого, что может поставить историка в тупик. Обычно все подобные издержки принято списывать на деградацию нанкинского режима. Возможно, однако, что в своей политике нанкинские власти ориентировались на достигнутые договоренности с Ганлинем и Доргонем. Маньчжуры же, как это неоднократно бывало и прежде, весьма легко относились к своим обязательствам перед партнерами по переговорам, рассматривая их лишь как тактический шаг на пути к достижению своих целей. Именно так они, видимо, поступили с соглашением, которое было заключено накануне сражения при Шаньхайгуане. Быть может, с этим в какой-то мере и была связана необычайно жесткая позиция цинских властей по отношению к нанкинскому режиму, их усилия по истреблению литературы, содержащей какие-либо сведения о нем.

Чэнь Хун-фань, а двух других членов посольства — Цзо Моу-ди и Ма Шао-юя — цинские власти по рекомендации Чэнь Хун-фаня вернули в Пекин. Через год глава посольства и несколько сопровождавших его офицеров, отказавшихся служить цинам, были казнены<sup>1</sup>.

Все это мало похоже на рассказ о посольстве авторов биографии Цзо Моу-ди. Даже те немногие и достаточно хорошо известные факты, которые здесь приведены, убеждают в несостоятельности его официальной версии. Начав свое существование с такой крупной, жизненно важной для страны акции, нанкинский режим заявил о себе как власть зрелая, понимающая свою высокую ответственность за судьбы страны. В случае успеха эта акция могла радикально изменить все последующее развитие событий в империи. История посольства — очевидное свидетельство слабости позиций маньчжуров, отсутствия единства среди сил, которые их поддерживали, иначе посольство просто не состоялось бы. Его обстоятельное, построенное на современной источниковой базе исследование позволит лучше понять и суть созданного Чжу Ю-суном режима, и положение в стране в целом.

\*       \*  
\*

За мозаикой фактов, представленных в биографиях деятелей нанкинского режима, перед читателем «Мин ши» предстает умело исполненная цинскими историками, достаточно стройная, по-своему логичная и весьма убедительная картина его существования на протяжении года. По сути своей то была официальная версия истории правления Чжу Ю-суна. Ее отличает резко негативный характер, что во многом и предопределило как состав героев данной части раздела «ле чжуань», так и отбор авторами биографий материалов по истории нанкинского режима и их компоновку. И хотя данной теме в «Мин ши» отведено значительное место, содержащаяся в биографиях информация крайне скудна и одностороння, а во многих своих частях и недостоверна; некоторые крупные, принципиального характера события оказались опущены, а другие под кистью цинских историков утратили свой изначальный смысл (это особенно хорошо видно на примере истории посольства). На страницах династийной истории нанкинский режим выступает как порождение темных, реакционных сил, своим существованием в значительной мере обязанный генералам. Сам правитель порочен и беспомощен, а всеми делами при дворе заправляют временщики, люди, обремененные многочисленными пороками и тесно связанные с кликой евнухов конца Мин. Нанкинский двор погряз в интри-

<sup>1</sup> Сведений о судьбе Ма Шао-юя нет. Неясны также подлинные мотивы возвращения цинскими властями Цзо Моу-ди и Ма Шао-юя в Пекин и последующей расправы над ними. Традиционная ссылка на отказ Цзо Моу-ди служить маньчжурам мало что объясняет: цинские власти истребляли далеко не всех минских патриотов, не все из них удостоились и тех почестей, которые были оказаны Цзо Моу-ди посмертно.

гах, его раздирала непрекращающаяся борьба клик. В такой обстановке чиновники, верные долгу, изменить пагубное развитие событий не могут, их таланты, столь необходимые для процветания государства, востребованы не были, и они стали безвинными жертвами, сложив головы за своего государя<sup>1</sup>. Оказавшись в центре политической борьбы, резко обострившейся с приходом маньчжуров, нанкинский режим и его правитель нередко подвергались современниками критике, но столь последовательное неприятие, его весьма жесткая тотальная критика были свойственны лишь цинской официальной историографии. Именно она утвердила в памяти потомков представление о полной деградации созданной Чжу Ю-суном власти.

Было бы неверным в подобном отношении к нанкинскому режиму придворных историков видеть лишь их стремление опорочить противника, с которым династия Цин столкнулась в первые годы своего существования, — их кистью явно двигали отнюдь не сиюминутные обиды и интересы, хотя их влияние на характер официальной версии отрицать невозможно. Как и всякая династийная история, «Мин ши» прежде всего была ориентирована на решение крупных политических и идеологических проблем.

Осуждая нанкинский режим, живописуя его пороки, авторы биографий указывали тем самым на серьезное неблагополучие в делах правления, а значит, и на беспочвенность претензий Чжу Ю-суна на минский престол, незаконность созданной им власти, ее скорую и неминуемую гибель. Чжу Ю-сун, с которого берет начало цепь «южно-минских» режимов, никак не отвечал высоким требованиям, предъявляемым политической теорией императорского Китая к Сыну Неба, и стать наследником погибшего минского императора он просто не мог. Тем более не могли этого сделать те, кто пытался продолжить дело, начатое им. Не случайно деятельность всех других «южно-минских» князей осуждается в «Мин ши» еще более сурово. Все они, по мнению составителей, возникли вопреки ясно выраженной воле Неба, их существование превратилось в трагический фарс, и, канув в Лету, они не оставили о себе в памяти потомков ничего доброго. Следовательно, негативная характеристика нанкинского режима являлась весомым аргументом, свидетельствующим о необратимости того, что произошло в конце весны 1644 г., когда, согласно официальной точке зрения, с гибелью императора Чун-чжэня прекратила свое существование и династия Мин. Вместе с тем, отнеся нанкинский режим к истории Мин и четко указав природу разъедавших его пороков — все они коренились в порядках, сложившихся при минском дворе, — составители династийной истории весьма органично вписали нанкинский режим в нарисованную ими картину кризиса династии Мин: своим существованием

<sup>1</sup> Важная, но плохо различимая деталь, также свидетельствующая о неблагополучии дел правления в Нанкине: ни сам правитель, ни государственные деятели режима практически не пытаются апеллировать к ценностям конфуцианства, историческому прецеденту (исключение, пожалуй, составляет Ши Кэ-фа), что являлось нормой для героев официальной историографии, действовавших в иной ситуации.

дополняя ее, высвечивая новые грани кризиса, нанкинский режим подчеркивал неизбежность и закономерность крушения династии. Таким образом, официальная версия истории нанкинского режима призвана была засвидетельствовать окончательный уход династии Мин с исторической арены, что имело первостепенное значение для легитимации власти сменившей ее династии Цин.

Негативная характеристика нанкинского режима, многочисленные свидетельства его незаконности были исключительно важны и для интерпретации действий цинских властей на этапе становления династии. Теория санкционировала применение законной властью, а именно так трактуется официальной историографией династия Цин с первых дней своего существования, силы во имя ликвидации мятежа и сепаратизма и объединения страны. Однако не это, как подчеркивается в «Мин ши», сыграло главную роль в крушении нанкинского режима, он рухнул под тяжестью собственных пороков; посланная на юг армия Юйвана Додо лишь прекратила его агонию.

Маньчжуры — в то время главный, практически единственный противник Нанкина — на страницах биографий появляются крайне редко, эта тема практически изъята из официальной версии истории нанкинского режима. Противостояние Нанкин — Пекин, которое в то время стало стержнем всех политических событий в стране, цинские историки упорно стараются подменить противостоянием всех имевшихся в стране политических сил с «разбойниками». В тех немногих эпизодах, где маньчжуры появляются, они неизменно выступают как сила внешняя, никак не связанная с происходившим в Нанкине, носитель высшей справедливости, своего рода арбитр в сварах, раздиравших Южный Китай; они лишь наводят порядок в этом регионе, погрузившемся в пучину хаоса и безвластия. Подобные действия были направлены на утверждение «единства» (*тун и*) и в соответствии с политической теорией являлись неременным атрибутом политики новой династии на этапе ее становления.

Согласно официальной версии, нанкинский режим возник за рамками существования династии Мин, но и к истории Цин он отнесен не был. Как подчеркивают составители «Мин ши», все происходившее там имело сугубо внутреннее, локальное значение и никак не влияло на жизнь империи. При такой трактовке нанкинский режим как бы выпадал из контекста развертывавшихся в стране событий. Тем самым цинские историки лишней раз подчеркивают чужеродность данного образования, его обреченность.

На деле же создание нанкинского и последовавших за ним «южно-минских» режимов стало одним из центральных событий двадцатилетнего периода, начавшегося со вступления маньчжуров в Пекин, когда решалась проблема власти в Китае. Он представлял собой крупнейшую политическую силу и, будучи легитимным, имел значительно больше прав на общекитайский престол, чем маньчжурские правители, располагал он и немалыми возможностями, чтобы эти права отстоять. Почему эти возможности не были реализованы, пока сказать трудно,

необходимо специальное исследование данной проблемы. Пока она внимания историков не привлекла.

В реальной действительности провозглашение династии чаще всего являлось не завершением процесса утверждения ее власти в стране, а лишь его началом, и все «южноминское» двадцатилетие, по сути дела, относится к периоду переходному от одной династии к другой, когда перспектива разрешения политического кризиса оставалась еще неопределенной. Освещение подобных периодов всегда представляло для официальной историографии немалые трудности: происходившие события, как правило, особенно плохо согласовывались с политической теорией, в которой к тому же, видимо, отсутствовали специальные доктрины, ориентированные на их трактовку. Не случайно подобные переходные периоды являются, как правило, наиболее темными в истории любой династии.

Таким образом, созданная цинскими историками версия истории нанкинского режима стала важным компонентом официальной трактовки смены династий, она несет большую смысловую нагрузку и является ключевым звеном в решении целого комплекса проблем, значение которых далеко выходит за рамки того, что происходило в Нанкине. Они были жизненно важны для династии и имеют принципиальное значение для понимания многих процессов, которые происходили в Китае в XVII в. и во многом предопределили последующую судьбу страны.

Функциональный характер разработанной цинскими придворными историками версии истории нанкинского режима очевиден, создавая ее, они прежде всего были озабочены решением конкретных политических проблем и вовсе не стремились донести до потомков правду о том, что происходило в Нанкине. Однако именно официальная версия оказала определяющее воздействие на утвердившееся в современной историографии представление о нанкинском режиме и его месте в истории Китая. По ряду причин эта тема оказалась на периферии интересов специалистов, лишь иногда привлекая их внимание. В этой ситуации концепции цинских историков продолжают уверенно доминировать в современных исследованиях «южноминской» проблематики, чрезвычайно затрудняя понимание того, что же в действительности происходило в Китае в это «переходное» двадцатилетие.

## Summary

A major historic event in the mid-17th century was the establishment, by the scions of Ming ruling family, of their own regimes in South China after the Manchus entered Peking; it was an important component of the processes caused by the disintegration, in 1644, of the political center of the Empire. The Ch'ing historians spent a lot of time and energy to work out an official version of the event. The main bulk of the material is to be found in the Standard History «Ming shi». The present paper offers an analysis of the above material. Characteristics of the official version of the «South Ming» history are illustrated by a description of the first «South Ming» regime set up by Fu-wang Chu Yu-sung in Nanking.